

Евгений КУЛЬКИН: «Наказ давала моя совесть»

15 мая выдающийся волгоградский писатель отметил свое 85-летие

Накануне юбилея мы беседовали с Евгением Александровичем в Союзе писателей, в комнате, одна стена которой сплошь уставлена его книгами. Он поглядывал на них по-отцовски, вспоминал, как они рождались...

Ребенок войны

— Евгений Александрович, вы давно были на своей малой родине?

— На малой родине я был уже года как три назад. Это Новая Анна, станция Филоново. В Новой Анне я жил только до пяти лет. А потом в Панфилово, в 25 километрах от Новой Анны. Это был Калининский район раньше. Там я встретил войну, пережил первую бомбежку. Первая бомба упала у нас во дворе. Наш дом стоял рядом с нефтесиндикатом, и это место бомбили. Вторая бомба отбила угол нашей школы, где я учился. Наш класс буквально разрезало, а географическая карта уцелела — осталась висеть на стене...

Наша школа дала трех членов Союза писателей. Один из них был Юрий Николаевич Верченко, бывший секретарь МГК комсомола, а затем секретарь Союза писателей России долгие годы. Потом я. И третий — Сергей Синякин.

— Стихи вы еще в школе начали писать?

— Стихи я начал писать не в этой школе, а в Серафимовичской. В Серафимовиче пошел в первый класс. Я рано выучился читать и писать. И первое стихотворение написал в первом классе — новогоднее. Его напечатали в «Пионерской правде»:

*Новогодний праздник елки
Встретим с вами мы, друзья,
Встретим с зеленью иголки,
Встретим снежные поля...*

— Вы ребенок войны... Как вы жили тогда?

— Ну как... Просто жил. Работал в колхозе. Однажды я пахал в поле, над нами летали самолеты. Трактористка вела трактор, а я сидел на прицепе. Пахали без света — самолеты же летают. И она меня «запахала». Я уснул и упал с прицепа. Попал между лемехами. И как она это заметила! Открывает оттуда эти штуки, плачет! А я вылез, смотрю — ничего, живой.

Годы спустя мы как-то ехали по тем местам с бывшим главным агрономом области, моим однокашником Федором Леонтьевичем Козловцевым. Подъезжаем к тому самому полю, а оно все уставлено копнами. Ну что, говорю, наверное, центнеров сорок мое поле дало. Оказалось, что одно дало восемьдесят восемь с половиной центнеров с гектара! Этим полем я горжусь.

— У вас есть книжка «Казачья кулинария». Вы из детства вынесли впечатления о традиционной казачьей кухне?

— «Кулинария» возникла так. Есть у меня книжка «Последний день лета» о том, как в последний день лета мы в Серафимовичском районе проехали по местам моего детства. Там Лизавету везде кормили разными кулинарными изысками. (Лизавета — жена Е. А. Кулькина, поэтесса Елизавета Ивановна. — Ред.) Ее кормили, а она записывала рецепты. И с годами их много набралось. Я придумал разные литературные ходы, и так сложилась книжка. Великое спасибо Анатолию Карману, что он «Казачью кулинарию» издал.

Суровая проза

— Вы начинали со стихов, и в Союз писателей были приняты как поэт. Как получилось, что перешли к прозе?

— В городе Серафимовиче я встречался с Александром Серафимовичем Серафимовичем. И он сказал, что сейчас настоящих писателей почти не стало. Я спросил: а что же такое настоящий писатель? Он ответил, что настоящий писатель — это тот, который должен написать о своем крае, о своем народе, о своем роде, должен написать о событиях, которые были знаковыми для народа.

И я начал пробовать соответствовать этому. О своем казачьем народе написал эпопею «Смертный грех». Это не трилогия, там четыре романа — «Смертный грех», потом «Раздоры», «Родная кровь» и последний — «Горицвет». Но четвертый роман был зарублен цензурой. Если сейчас он выйдет, это будет впервые. И вообще у меня все книги шли, знаешь, с каким трудом? Это же обязательно через комитет и т. д. «Черную кошку» задробили аж три мини-

стерства — МВД, КГБ и МИД, ты можешь себе представить?

— Какие же претензии были к «Черной кошке»?

— Первое — это МВД: где это вы видели, чтобы в милиции пили, а гаишники брали взятки? КГБ: ваш роман (у меня это повесть, но для них — целый роман) — это готовая инструкция, как создавать банды!

— А «Черную кошку» вы писали на документальной основе?

— Конечно, на документальной. Но МИД-то тут причем? Оказывается, нельзя было упоминать ни Михайловку, ни Фролово, потому что это «стратегические города»: в Михайловке — цемент, во Фролово — нефть и т. д.

...О нашем крае я написал трилогию «Хазарань». О Хазарском каганате мне много рассказывал Лев Николаевич Гумилев, когда мы с ним встретились в Ялте в Доме творчества — он занимался этой темой.

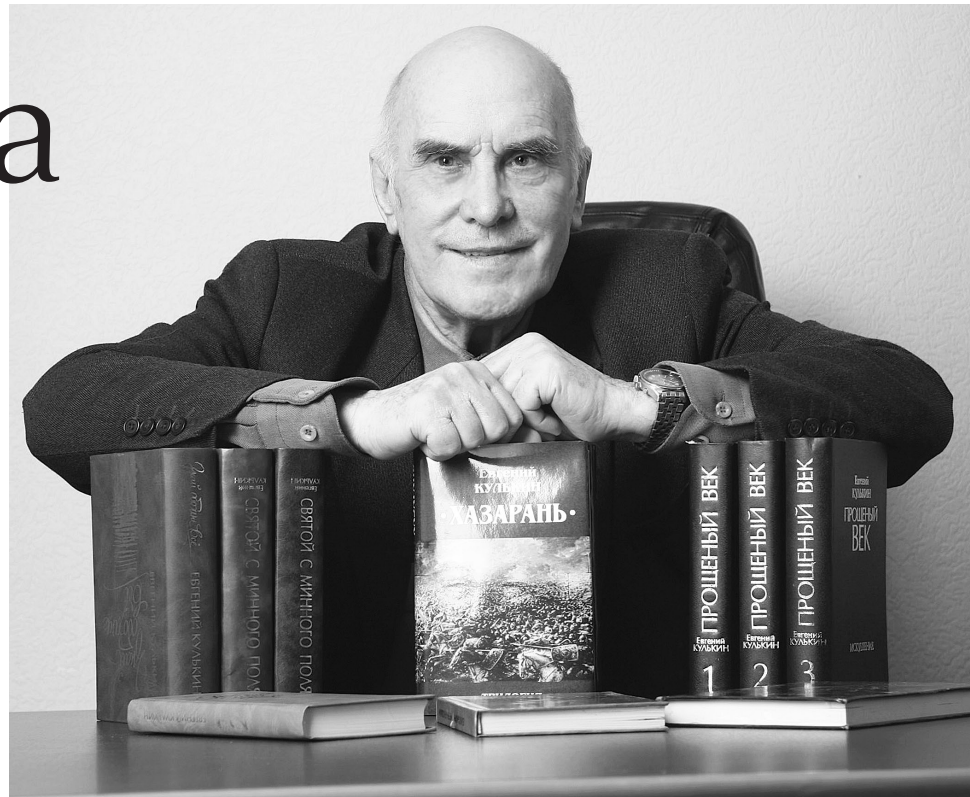
— Он на Нижнюю Волгу ездил в археологические экспедиции, искал здесь хазарские древности.

— Да, на Волге Итиль искал — столицу Хазарии. В древности здесь была река Ра, потом она называлась Итиль, а сейчас — Волга. Так вот после встречи с Гумилевым я вернулся домой и тоже стал заниматься Хазарией.

— Как «Хазарань» попала в библиотеку Путина?

— Когда трилогию здесь издали, в это время Путин сюда приезжал. Наш губернатор Николай Кириллович Максютка рассказал ему, что вот, мол, есть такой писатель. И мне книги «Хазарани» принесли на подпись. Я подписал так: очень хорошо было бы, если бы создана была Президентская библиотека. Ее потом создали, но только назвали именем Солженицына.

О своем роде я написал трилогию «Прошennyй век». Там весь мой род с дореволюционных времен. В моем роду — шесть атаманов, один из них — станичный. В этом романе в последнем томе я доказываю, что именно

отправить своим неимущим друзьям. Я видел эти вещи...

Цена слова

— Как долго вы работаете над крупной вещью?

— Расскажу тебе одну историю, которую еще никому не рассказывал. Я писал по-разному, что-то быстро, что-то не очень. И все это было до 1963 года. А в 1963 году собрался я ехать в отпуск, у меня была путевка в Чехословакию. Жил я в Рудне. Там за Терсой домик был, и решил я недельку в том домике пожить. И вот я там живу, ловлю рыбу. И вдруг поднялся сильный ветер. Я переплыл на другую сторону, закинул удочку. И подходит ко мне... мама. Видение наяву. И говорит, почему, мол, ты, Женя, на работу не выходишь? Я говорю, на какую работу? Ну как же, говорит она, уже два дня, как ты должен работать.

А я пошел в отпуск на два месяца и выходить на работу должен был через шестьдесят дней. Что это было — клиническая смерть или что-то еще, не знаю. Я тогда непомерно пил, поэтому все могло случиться. Но с той поры во мне что-то преобразилось, я стал видеть сюжеты как бы живую, наяву. То, что я пишу, я вижу живую во всех деталях. Уже не я руковожу героями, а они мной руководят. Я хочу выстроить сюжет так, а они его строят иначе.

— А стихи пишутся прямо во время работы над прозой?

— Стихи у меня пишутся всегда. Я, когда поднимаясь утром, пишу обязательно не менее трех стихотворений. Неважно, о чем они, но я должен побыть в главном состоянии — состоянии поэтического поиска, поиска поэтического слова. Я должен его найти. Неважно, пойдет оно куда-нибудь или нет. Потом я сажусь писать прозу и пишу определенное количество страниц.

— Что у вас сейчас на письменном столе?

— Закончены два романа, один называется «Адово яблоко» — о Зиновии Пешкове. Если его издадут, то скоро он выйдет в издательстве ВолГУ. А второй роман о Серебряном веке, сейчас его дорабатываю.

— Какие ваши стихи вы бы прочитали сегодня читателям?

— Пожалуй, стихотворение «Половики». Был какой-то литературный конкурс на тему лучшего стихотворения о Победе. Я туда ничего не подавал, просто приехал и все. И вдруг мне присуждают первую премию. Почему? Потому что там не было сказано ни одного слова о Победе. Вот его я и прочитаю:

*Бабые лето, и бабы у сонной реки
Выколачивают половики.
Пыль нечаянных троп, военных дорог
Отпечатал тяжелый солдатский сапог.
Только юность солдата осталась вдали,
Но скрипят жутковато в ночи костыли.
Бабые лето, и бабыя тоска и печаль.
Не винтовка, а бабыя рука у плеча,
Не граната в руке, а упругая грудь.
Не уснуть в эту душную ночь, не уснуть.
Хоть затем, чтобы сны ваши были легки,
Бабы выколотили половики.*

— Спасибо.

Беседу вела Татьяна ДАНИЛОВА

Шолохов — автор «Тихого Дона», а не Федор Крюков.

— Трилогию о Сталине «Обручник» вы написали по наказу земляков-ветеранов?

— Нет, мне никто никакого наказа не давал. Наказ давала моя совесть. Я не мог не написать о том человеке, который спас нас всех от фашизма, спас все человечество. У меня о Сталине 23 тысячи ссылок всевозможных, все на архивных документах, на воспоминаниях очевидцев. Я о нем много знаю, и прежде всего то, что он был очень умным человеком, читал в день пятьсот страниц текста. Вот, говорят, Жуков. По Сталинграду Жуков предлагал увеличить группировку наших войск в два и даже три раза. А Сталин сказал, что воевать будем теми силами, которые есть. И мы победили в Сталинграде меньшими силами, чем предлагалось. Так же он победил и в Царицыне в 1920 году — меньшими силами. Когда он умер, после него осталась великая страна. А из личных вещей — два чайных прибора с лопнувшими чашками и тридцать тысяч рублей, которые он не успел